

УДК 94(497.1)

РУССКИЕ УЧЕНЫЕ И ВУК СТЕФАНОВИЧ КАРАДЖИЧ

© 2017 И.В. Чуркина

Институт славяноведения РАН, г.Москва

Статья поступила в редакцию 01.03.2017

В статье рассматриваются научные связи Вука Караджича с русскими учеными, прежде всего с П.И. Кеппеном, И.И. Срезневским, Н.И. Надеждиным, их влияние на научную деятельность сербского ученого, а также помощь русских ученых в признании научной общественностью его реформы сербского литературного языка.

Ключевые слова: Вук Караджич, Кеппен, Срезневский, Надеждин, Погодин, «Библиографические листы», Российская Академия наук.

В истории сербской культуры вряд ли можно найти личность, которая бы столько сделала для ее развития, как Караджич. Он был создателем современного сербского литературного языка, заложил основы сербской лингвистики, этнографии, написал историю героических лет Первого сербского восстания против турок. Караджич не только заложил основы современной сербской культуры, но познакомил образованную Европу со своим народом. И стать таким Караджичу помогли не только собственный талант и гигантское трудолюбие и целеустремленность, но также и те люди, которые его окружали на протяжении всей его жизни. В этом плане особый интерес представляют отношения, сложившиеся у Караджича с русскими учеными.

Вук Стефанович Караджич родился 26 октября 1787 г. в селе Тршич в области Ядран в Сербии в крестьянской семье. Благодаря своему родственнику Е. Савичу, который являлся советником от Зворницкой нахии в Правительствующем совете, исполнявшем в период Первого сербского восстания (1804-1813) роль правительства Сербии, он научился читать, затем продолжил свое образование в Сремских Карловцах (Австрия). Окончив учебу, Караджич снова вернулся в Сербию, которую покинул в 1813 г., после разгрома сербов турками. «Я начал свое литературное поприще в 1814, – писал он в одной из своих автобиографий, – сперва маленькую попытку, издав сербскую грамматику и маленькую книжицу сербских народных песен, которые я знал наизусть еще в родительском доме»¹.

В 1818 г. Вук напечатал «Српски рјечник» (далее – «Сербский речник»), написанный новой азбукой. В декабре 1818 г. Караджич от-

правился в Россию, захватив с собою 30 экземпляров последней своей книги. Скорее всего, он ожидал получить там моральную и материальную поддержку. И это не было случайным. «Еще с раннего детства, – писал он в 1842 г. русскому дипломату Г.Х. Струве, – я любил Россию, как большинство сербов ее любит: как государство, родственное сербам по языку и вере, которым они всегда (хотя и тайно, в душе), гордились, думая, что участвуют в ее силе и славе»². В записке от 1862 г., посланной русскому посланнику в Вене В.П. Балабину, Вук рассказал о своей поездке в Россию. «В Санкт-Петербурге и в Москве, – писал он, – мой словарь приняли с восторгом, ибо из него только узнали там, что такое сербский язык. Императорская Российская академия наградила меня за то фунтовую серебряную медалью, а Вольное Санкт-Петербургское общество любителей российской словесности избрало меня в члены и корреспонденты свои»³. Общество любителей российской словесности 5 апреля 1819 г. выдало Вуку 200 рублей⁴. В Петербурге Караджич познакомился с молодым славистом Петром Ивановичем Кеппеном.

Во время пребывания в Москве Караджич встретился с известным меценатом графом Н.П. Румянцевым и членами его кружка. Граф Румянцев, крупный государственный деятель, сын знаменитого екатерининского полковника П.А. Румянцева, в 1809-1814 годах занимал должность канцлера. В 1811 г. он попросил у Александра I разрешения издать за свой счет все русские государственные грамоты, начиная с древнейших времен, а после выхода на пенсию собрал вокруг себя группу ученых (управляющие Московской государственной коллегии Н.Н. Бантыш-Каменский и А.Ф. Малиновский, профессор Московского университета М.Т. Каченовский и др.), в которую входили и молодые ученые А. Востоков и П.И. Кеппен. Эта группа

*Чуркина Искра Васильевна, доктор исторических наук.
E-mail: iskracurk@mail.ru*

получила в историографии имя кружок Румянцева. Кружок Румянцева за 1813-1828 годы издал четыре тома публикаций «Собрание государственных грамот и договоров».

Румянцев побудил Караджича объездить за 2 года все сербские монастыри для сбора сербских рукописей и сербских старопечатных книг (Србули). Некоторые из своих находок он должен был переслать ему. На это мероприятие граф выдал сербскому писателю 400 дукатов (дукат равнялся одному червонцу или 10 рублям). Некоторые денежные средства Вук получил от Библейского общества⁵.

В России кроме Румянцева Караджич познакомился и с другими русскими учеными, в частности с А.Ф. Малиновским и К.Ф. Калайдовичем. Особенно теплые отношения завязались у него с Петром Ивановичем Кеппеном, который полностью поддержал его реформу сербского литературного языка и всячески помогал ему морально и материально. В частности, именно благодаря хлопотам Кеппена Караджичу удалось получить ежегодную пенсию от русского правительства. Кеппен рекомендовал Вуку обратиться с просьбой о пенсии к А.С. Шишкову, который в 1813-1841 гг. являлся президентом Императорской академии наук. 5 августа 1821 г. сербский ученый впервые написал Шишкову письмо с просьбой о пенсии, обещая в случае ее получения содействовать перепечатке в Вене важнейших русских книг для южных славян. В письме от 3 ноября 1824 г. Вук снова написал Шишкову, ставшему в то время и министром народного просвещения. В письме он просил назначить ему пенсию в 200-150 червонцев. 21 июня 1826 г. Шишков сообщил Караджичу: «Вследствие всеподданнейшего представления моего о ученых занятиях ваших, приносящих особую пользу славянской словесности, его императорское величество всемилоостивейше повелеть соизволил: производить вам из государственного казначейства по 100 червонных ежегодно». Эту пенсию Вук получал до самой смерти. И позднее Шишков поддерживал Вука, предоставляя ему средства для поездок в Сербию, Черногорию, Венгрию и др.⁶

Помимо этих средств из государственного казначейства сербский ученый получал не раз подарки от членов императорской фамилии. Так, наследник престола Александр Николаевич по ходатайству своего учителя поэта В.А. Жуковского подарил ему 100 червонцев. В 1843 г. Николай I за т.1 «Сербских народных песен» выдал Вуку золотую медаль стоимостью в 64 червонца⁷. Эта награда была столь весомой для Вука и его друзей, что он, как указывал в письме к чешскому просветителю В. Ганке русский славист И.И. Срезневский, отметил ее в доме одного из своих меценатов купца Тирки вместе с изгнанным из Сербии князем Милошем Обреновичем и Срезневским⁸. За т.3 «Сербских народных пе-

сен» Караджичу был дарован в 1847 г. наследником престола перстень с изумрудом, а в 1850 г. за книжки «Ковчежић» и «Народне српске пословице» Николай I презентовал сербскому ученому перстень с бриллиантом⁹.

По подсчетам известного исследователя биографии и творчества Вука Караджича Голуба Добрашиновича, самую обширную переписку Вук имел с русскими учеными, чиновниками, научными учреждениями. Всего среди его корреспондентов из России имелось 69 частных лиц и 7 учреждений. В числе русских знакомых Вука были крупные чиновники и дипломаты, как, например, граф Д.Н. Блудов, Е.П. Ковалевский, В.П. Балабин, П.К. Мейердорф, А.С. Шишков Д.П. Татищев, К.В. Нессельроде, С.С. Уваров, Г.Х. Струве; известные российские деятели культуры меценат Н.П. Румянцев, композитор А.Г. Рубинштейн, драматург А.Н. Островский и др. Но, конечно, основной контингент русских знакомых Караджича составляли ученые-слависты¹⁰. Среди тех, кто сыграл особую роль в его жизни и деятельности, нужно назвать П.И. Кеппена, И.И. Срезневского и Н.И. Надеждина. Эти ученые многое сделали для поддержания реформы сербского литературного языка, проведенной Вуком.

Петр Иванович Кеппен (1793-1864) познакомился с Вуком Караджичем в 1819 г., когда сербский ученый посетил Россию. Второй раз Вук встретился с Кеппеном в Вене в 1822 г., и Караджич сопровождал русского ученого в его поездке от Панчева до Темишвара. Третья встреча ученых также произошла в Вене в 1823 г. В этот раз одним из последствий поездки Кеппена стало издание журнала «Библиографические листы», к участию в котором Кеппен привлек ряд зарубежных славянских ученых. Это издание выходило в свет с января 1825 по август 1826 года, и Кеппен являлся его издателем и редактором. Советский исследователь жизни и деятельности Кеппена С.П. Потепалов утверждает: «Издания, в котором бы столь блестяще была поставлена информация о новейших достижениях науки о славянах, мы не имеем, к сожалению, и сейчас»¹¹. Кеппен решительно поддержал реформу сербского литературного языка, проведенную Вуком, и открыто выступил в ее защиту в «Библиографических листах» в 1825 г. В своей рецензии на словенскую грамматику П. Дайнко он одобрил фонетический принцип правописания, введенный Вуком. 21 августа 1825 г. Вук благодарил за поддержку Кеппена: «Вы меня ... так храбро и толково защищаете от Греча, – писал он. – То доказательство Вашей искренней, драгоценной для меня дружбы». Упоминание о Н.И. Грече не было случайным. В журнале «Сын отечества» в 1824 г. тот резко критиковал реформу Караджича, указывая, что она якобы способствует разрыву сербско-русских связей¹².

Как уже указывалось выше, Кеппен много сделал для того, чтобы добиться ежегодной постоянной пенсии Караджичу от русского правительства. И позднее Кеппен не оставлял своим вниманием Вука. В 1836 г. в «Журнале министерства народного просвещения» он писал о сербском ученом как о необычном человеке, который сумел из пастухов войти в круг писателей. А в 1851 г. Кеппен совместно со Срезневским и А.Х. Востоковым выступили за избрание Караджича членом-корреспондентом Отделения русского языка и словесности Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Их просьба была удовлетворена¹³.

Наиболее близкие отношения у Караджича сложились с Измаилом Ивановичем Срезневским и Николаем Ивановичем Надеждиным. Это отмечает и биограф Караджича Г. Добрашинович, указывая, что оба они одобряли реформу Караджича, введшую в сербский литературный язык народную речь¹⁴.

Особенно много для пропаганды в России научных достижений Вука сделал известный русский славист Измаил Иванович Срезневский (1812-1880), один из четырех молодых русских славистов, которые в конце 30-х - начале 40-х годов XIX в. были отправлены в славянские земли за рубежом, чтобы пополнить свои знания по литературе, языку и истории славян. Эти стипендиаты предназначались для занятия учреждаемых кафедр истории и литературы славянских наречий в четырех российских университетах – Санкт-Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском. Срезневский пробыл в командировке с февраля 1839 г. по 20 сентября 1842 г., посетив за это время чешские, моравские, лужицко-сербские, словацкие, русинские, южнославянские земли. Ему не удалось попасть только в славянские земли, находившиеся под властью Оттоманской империи.

Одной из главных задач Срезневского являлось знакомство с видными славянскими учеными, среди которых Вук Караджич с изданными им сербскими народными песнями занимал одно из первых мест. С этими песнями Срезневский познакомился еще во время своего обучения в Харьковском университете. В начале января 1841 г. Срезневский приехал в Вену, где сразу же встретился с сербским ученым. 28 января 1841 г. он писал матери, что сербским языком будет заниматься с Караджичем. Срезневский мечтал отправиться с ним путешествовать по славянским землям, но этого сделать ему не удалось. В ноябре 1841 г. Срезневский вернулся в Вену после посещения ряда славянских земель, и снова основное время он проводил здесь с Вуком. На этот раз он не только учился у него языку, но и помогал ему в его научных занятиях. 1 (13) января 1842 г. Срезневский сообщал В. Ганке, что вместе с Вуком они отбирают ма-

териал для сербского словаря, и добавлял, что ему очень важны встречи с сербским ученым. Уезжая из Австрии уже из Львова 10 (22) июля 1842 г., русский ученый писал Караджичу, что он готов сообщить ему все собранные им материалы: «Одно только уважение мое к Вам было бы достаточною причиною не отказать Вам ни в чем. Буду или не буду в Питере, я за долг поставлю всюду и всегда стараться распространять уважение к Вам и заслугам Вашим»¹⁵.

Вернувшись в Россию, Срезневский опубликовал в славянофильском «Московском литературном и ученом сборнике» за 1846 г. на основании рассказов самого Вука Караджича обширную статью, посвященную ему. Это был первый обстоятельный очерк о жизни и деятельности сербского ученого. Срезневский подробно рассказывал о его биографии: его родителях, первом его учителе Е. Савиче, его участии в работе Правительствующего совета, о его отношениях с сербским князем Милошем Обреновичем. Срезневский подчеркивал, что Караджич является истинным патриотом своего отечества. Он «вводит нас в очарованный круг сербского народа, как будто в новый и между тем вашей душе знакомый не фантастический мир». Срезневский подробно останавливается на научных заслугах Караджича как одного из первых исследователей сербской этнографии и истории сербов. «Все, что написал он по этой части, – подчеркивал Срезневский, – не есть ни сбор, ни выбор из других книг, а наблюдения современника». Далее Срезневский рассказывал о поездке Вука в Россию и оценке его деятельности со стороны российских научных кругов. Заканчивал он свой очерк утверждением: «Сербам и всем славянам нельзя не быть ему благодарными; он один из немногих современных писателей славянских, которыми могут безукоризненно гордиться славяне перед иностранцами»¹⁶.

Эту статью Срезневского Караджич высоко ценил. В упомянутом письме к В.П. Балабину он в качестве весомого доказательства своих заслуг перед наукой указывал на этот очерк Срезневского, особенно подчеркивая приведенный выше вывод¹⁷. Высоко оценивал Срезневский и 2-е издание «Сербского речника» Караджича, вышедшего в свет в 1850 г. В рецензии, написанной им на него для Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, он делал вывод: «Позволю себе заключить свою заметку мнением, что труд В.С. Караджича – одно из самых драгоценных украшений научно-литературного движения западных славян». Спустя двадцать шесть лет, в 1876 г., русский славист в новой биографии Караджича снова высказал свою оценку этому словарю: «Словарь остается и теперь примером, которому трудно подражать»¹⁸.

Срезневский, как и Караджич, имели одинаковые взгляды на методы сбора фольклора и

этнографического материала, считая, что должна производиться точная запись народных выражений без замены отдельных слов, с сохранением народного произношения. Но главное – Срезневский решительно поддерживал реформу сербского языка, проводимую Караджичем, полагая, что именно народный язык надо возвести в степень литературного, отказавшись от средневекового славяно-сербского языка. Народный сербский язык, согласно его убеждению, станет мощным орудием возрождения сербской культуры¹⁹. Правда, Срезневский выступал против фонетического принципа правописания, провозглашенного Вуком, ему также не нравились новые буквы, введенные им в сербский алфавит.

Срезневский являлся одним из тех русских академиков, которые ходатайствовали перед Российской Академией наук о присвоении Караджичу звания члена-корреспондента Отделения русского языка и словесности АН.

Правда, после отъезда из Австрии Срезневский прекратил переписку с Вуком, как и с другими славянскими учеными. Возможно, Срезневский опасался цензуры, ведь многие славянские ученые Австрии имели либеральные взгляды (Л. Штур, В. Караджич, С. Враз и др.).

Самые близкие отношения у Караджича сложились с Николаем Ивановичем Надеждиным (1804-1856), русским этнографом, лингвистом, журналистом. Он преподавал в 1830-1836 годах в Московском университете теорию изящных искусств, логики и археологии и одновременно в 1831-1836 годы издавал журнал «Телескоп». В нем Надеждин поместил две статьи, в которых касался реформы Вука Караджича. Обе они были опубликованы в 1832 г.: «Путешествие по Сербии осенью 1829 года Отто Пирха» и «Сербская словесность». В первой из них о путешествии Пирха Надеждин писал: «Особенно интересны его (Пирха. – И.Ч.) сообщения о языке и литературе сербов, чьим главным представителем до сих пор остается Вук Стефанович, который своей грамматикой и речником заложил твердую основу сербской литературы». Уже в этой статье Надеждин одобрял реформу Караджича. Еще более активно в ее защиту русский ученый выступил в статье «Сербская словесность». Сравнивая деятельность Милоша Обреновича и Вука Караджича, Надеждин указывал, что Милош из руин воссоздает политическую самостоятельность Сербии, а Вук Караджич в то же время обновляет сербскую литературу. По мнению Надеждина, сербы имеют преимущество перед русскими, поскольку русские сто лет создавали свою культуру, рабски подражая чужому, а сербы создают ее на природных собственных началах. Сербия осталась сама собой славянской страной и не стала безжизненной копией своих соседей²⁰.

В 1836 г. Надеждин опубликовал в «Телескопе» «Философические письма» П.Я. Чаадаева, за что был изгнан из университета и сослан, а журнал закрыт. В 1836 г. Надеждин был освобожден из ссылки благодаря содействию некоторых крупных чиновников, в том числе и одного из создателей Одесского общества истории и древностей, попечителя Одесского учебного округа Д.М. Княжевича. Надеждин поселился в Одессе. Предки Княжевича были выходцами из сербских земель, и он стремился узнать о них при содействии Н.И. Надеждина.

В 1840 г. Д.М. Княжевич и Н.И. Надеждин на средства Княжевича отправились в Австрию. Надеждин лично познакомился с Вуком Караджичем в Вене в конце 1840 г., когда Надеждин и Княжевич приехали туда. Караджич стал их проводником по сербским землям. Русские путешественники сначала отправились в Италию, предварительно договорившись с сербским ученым встретиться в Триесте и оттуда отправиться вместе по сербским землям. Вук приехал в Триест 30 апреля, а оттуда они вместе отправились в путешествие. По пути из Триеста в Вену они посетили Далмацию, Черногорию, Сербию, Славонию, Хорватию, сербские земли Австрийской монархии, Штирию и Крайну²¹.

Надеждин так и писал в своем донесении министерству иностранных дел: «Всю вторую часть моего странствования от Триеста и обратно до Вены я совершил почти в неразлучном сообществе известного Вука Стефановича Караджича, наилучшего, какого только можно найти знатока современного сербства»²². В 1841 г. в газете «Москвитянин» Надеждин поместил статью, в которой характеризовал собирательскую деятельность Вука как «превосходный пример личного самоотвержения, которому, к сожалению, так мало следуют». Надеждин подчеркивал, что Караджич «один из замечательных для своего времени теоретиков искусства»²³. Представляя сербского ученого на звание действительного члена Общества истории и древностей в Одессе, Надеждин рекомендовал «г. Вука Караджича, сербского литератора, имеющего пребывание в Вене, посвятившего всю жизнь свою изучению истории и древностей своего народа и отечества». И далее Надеждин добавлял к характеристике Вука: «Литератор, коего имя и труды давно уже пользуются европейской известностью»²⁴.

Второй раз Надеждин побывал в Австрии в 1847 г. по поручению министра внутренних дел П.А. Перовского, покровительствовавшего Надеждину и сделавшего его редактором «Журнала министерства внутренних дел», которым он пребывал в 1843-1856 гг. Целью Надеждина было собрать сведения о местных раскольнических сектах, а также убедить православного епископа Платона Атанацковича написать о них обличительную брошюру. Эта брошюра должна была

быть отпечатана в Австрии и 500 ее экземпляров посланы в Россию, «чтобы раздать нашим раскольникам, как мнение о них не синода нашего, но уже другого, иностранного владыки»²⁵.

Во время второго пребывания Надеждина в Австрии его отношения с Караджичем укрепились еще больше. Их переписка, начавшаяся с октября 1841 г., стала еще более интересной и доверительной, о чем свидетельствуют письма сербского ученого. Особенно ярко в них Караджич рассказывал о революции 1848-1849 гг. в Австрии.

6 марта 1848 г. Караджич с восторгом описывал первые дни революции в Вене. Он указывал, что в конце февраля студенты подали прошение императору, в котором «просили отменить цензуру, дать уложение, согласное с духом времени, установить ответственность министров за их действия, разрешить земские сеймы, на которые и простой народ мог бы присылать своих людей и на которые собирались бы не одни важные господа... – одним словом просили свободы»²⁶. Правда, Вук критически относился к выступлениям жителей предместий, но, как видно из письма, полностью солидаризировался с требованиями студентов. Караджич не только симпатизировал программе студентов, но и принял известное участие в революционных событиях. Так, он в качестве гостя присутствовал на Пражском славянском съезде. В письме от 24 мая 1848 г. он описывал православную литургию, проведенную новосадским протоиереем Павлом Стаматовичем у алтаря св. Вячеслава (Вацлава) в Праге. Площадь была заполнена народом. В своем молебне Стаматович упоминал наиболее известных славянских деятелей: русского Петра I, серба Стефана Душана, чеха Яна Жижку, серба Георгия Черного²⁷.

Мирное течение революции после разгрома Пражского восстания прекратилось. Усилилось противостояние не только между правительством и оппозицией, но и начались столкновения между отдельными народами Габсбургской монархии, прежде всего сербами и хорватами, с одной стороны, и венграми – с другой. Эти столкновения, и особенно захват венграми Баната и уничтожение там ими многих сербских деревень и городов, очень тревожили Караджича. Подробно описывал он в письмах к Надеждину октябрьское восстание в Вене, взятие города вооруженными отрядами Виндишгреца, верными императору.

Положение в Вене после ее захвата императорскими войсками описывалось Караджичем в мрачных тонах: на улицах горят костры, на которых варят пищу солдаты, много домов сгорело, особенно в предместьях Вены Леопольдштадт и Виден. Вук боялся, что его с семьей могут убить солдаты или пролетарии²⁸.

За время революции изменилось отношение Караджича к разным славянским деятелям. Если

сначала во всех недоразумениях между сербами и хорватами он упрекал хорватов и бана Й. Елачича, то потом он изменил свое мнение и стал обвинять в этом политику сербского клира, прежде всего патриарха Й. Раячича. Последнего он обвинил в том, что тот содействовал запрещению сербских либеральных газет, призывал сербов не контактировать с хорватами. «За это и многое другое, – отмечал Караджич, – против патриарха так кричат, что иные даже говорят: следовало бы его повесить»²⁹. Вук также сообщал Надеждину о выступлении румынского клира против сербской церкви, в состав которой входила румынская церковь, о стремлении румын создать свою собственную независимую церковь. Караджич послал Надеждину брошюры Раячича и румынского епископа А. Шагуны, возглавлявшего румын. В них каждый защищал свою точку зрения. По мнению Вука, правительство склоняется принять сторону румын³⁰.

Рассказывал Вук Надеждину и о черногорских делах: смерти черногорского владыки Петра II Негоша и борьбе за митрополичий престол его родственников, о создании на основе сербских земель в Австрии новой сербской провинции Воеводство (Воеводина). Помимо сообщений о политических событиях Караджич общался с Надеждиным и на научные темы: просил найти подписчиков на свою новую книгу «Сербские народные пословицы», 2-е издание «Сербского речника» и т.д.

Надеждин, как и Срезневский, приветствовал принцип формирования сербского литературного языка на основании существующего народного языка и вместе с тем выступал против введенного Вуком фонетического принципа правописания. Как и Срезневский, Надеждин много сделал для популяризации Караджича в научных кругах России. Благодаря ему он получил в 1842 г. звание действительного члена Общества истории и древностей в Одессе, а в 1850 г. – члена Императорского Русского географического общества (Надеждин с 1848 г. стал председателем его Отделения этнографии). В 1851 г. Надеждин вместе со Срезневским и Востоковым способствовал присвоению Вуку звания члена-корреспондента Отделения русского языка и словесности Академии наук.

Но не только одинаковые взгляды на создание сербского литературного языка сближали Караджича и Надеждина, но и в значительной мере похожие политические взгляды. Несомненно, оба они являлись монархистами. Вместе с тем они считали необходимым провести определенную либерализацию Сербии и России. В 1832 г. Вук написал своему покровителю сербскому князю Милошу Обреновичу письмо, в котором откровенно высказал свое мнение о положении Сербии и о путях исправления его. Он предлагал дать стране конституцию, как в

Англии, Франции или новой Греции, которая должна гарантировать каждому жизнь, честь, имущество, свободу заниматься тем делом, каким он желает, но если оно не во вред другим. Будучи верным православию, он критически относился к ряду сербских иерархов⁵¹.

О взглядах Надеждина на российскую действительность можно судить отчасти по опубликованной им в его журнале «Телескоп» статье П.Я. Чаадаева «Философические письма», в которых тот резко критиковал российское правительство и православную церковь. Скорее всего, Надеждин не был согласен со всеми высказываниями Чаадаева, но отмечал возвышенность предмета, обсуждавшегося автором, глубину и широту его взглядов⁵². Надеждин полагал, что пресса должна публиковать возможно полные мнения представителей русского общества, и выступал, таким образом, за его демократизацию.

Оба ученых были настроены оппозиционно к устаревшим литературным стандартам, и оба преследовались властями. И Вук Караджич, и Николай Иванович Надеждин, несомненно, являлись искренними патриотами своих стран – Сербии и России – и имели гражданское мужество высказать властям свои взгляды, пожертвовав своим благосостоянием и карьерой.

Большая переписка была у Караджича и с другими российскими учеными, в частности с профессором истории Московского университета М.П. Погодиным. Эта переписка касалась главным образом книг и носила не столько научный, сколько коммерческий характер. Переписка началась в 1837 г., а 24 сентября 1846 г. (новый стиль) между Караджичем и Погодиным было заключено соглашение, согласно которому русский ученый обязывался платить определенные суммы денег за доставленные ему сербские старопечатные книги (србули). «Деньги по сей записке, – добавлял Погодин, – будет доставлять Вам почтенный иерей Михаил Федорович Раевский». Раевский с 1843 г. являлся протоиереем церкви при русском посольстве в Вене. Через него пересылали друг другу книги многие русские и славянские ученые, поскольку тот мог отправлять их бесплатно с посольской почтой. Кроме денег Погодин передавал Караджичу новые богослужебные русские книги, которые он получал через оберпрокурора св. Синода по дешевой цене. В 1855 г. этот обмен был прекращен⁵³, в этом большую роль сыграло нежелание Раевского продолжать посредническую деятельность. Позднее в письме к А.Д. Блудовой Раевский признавался, что переслал Погодину от Караджича на несколько тысяч рублей старопечатных сербских книг⁵⁴.

Исследование взаимоотношений Вука Караджича с русскими научными кругами подтверждает вывод, сделанный сербским ученым Г. Добрашиновичем: «В борьбе за создание серб-

ского литературного национального языка, в борьбе против так называемого русскославянского языка – какой парадокс! – Вук получил поддержку прежде всего из России»⁵⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пушкаревич К.А. Автобиографическая записка Вука Ст. Караджича // Труды Института славяноведения АН СССР. Т.2. Л., 1934. С.155.
- ² Добрашиновић Г. Вук Караджич и Руси. Београд, 1964. С.38.
- ³ Архив САНУ. Ф.14. Кут. С, бр. 8697.
- ⁴ Добрашиновић Г. Петар Иванович Кепен и Вук // Вуков зборник I. Анали филолошког факултета. Београдски универзитет. Београд, 1984. С.125.
- ⁵ Там же. С.37.
- ⁶ Бобович А.С. Неизвестное письмо В.С. Караджича // Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Л., 1948. №11-12. Славистические заметки. С.7-11.
- ⁷ Пушкаревич К.А. Автобиографическая записка Вука Ст.Караджича... С. 157.
- ⁸ Вулетић В. Срезневски и Вук // Анали филолошког факултета. Београдски универзитет. №4. Вуков зборник I. Београд, 1964. С. 87.
- ⁹ Добрашиновић Г. Вук КараЂић. Београд, 1964. С.74, 76. Добрашиновић Г. Вук и Руси... С.41.
- ¹⁰ Добрашиновић Г. Вук и Руси... С.41.
- ¹¹ Потепалов С.П. О роли П.И. Кеппена в истории русско-славянских культурных связей в 20-30 годах XIX в. // Вопросы славянского языкознания. Вып.6. М., 1962. С.201.
- ¹² Лалић Р. Вук и руси // Анали филолошког факултета... С.236.
- ¹³ Добрашиновић Г. Петар Иванович Кепен и Вук // Анали филолошког факултета. Београдски универзитет. №4. Београд, 1954. С.123-132.
- ¹⁴ Добрашиновић Г. Вук и Руси... С.45.
- ¹⁵ Дмитриев П.А. И.И. Срезневский и Вук Караджич // Взаимосвязи славянских литератур. Л., 1966. С.56.
- ¹⁶ Аншаков Ю.П. Русские журналы как источник изучения исторического прошлого югославянских народов и русско-югославянских связей (30-е-середина 50-х гг.-XIX в.) // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005. С.144, 145.
- ¹⁷ Архив САНУ. Ф.14. Кут.С, бр.8697.
- ¹⁸ Вулетић В. Срезњевски и Вук // Анали филолошког факултета. Београдски универзитет. №4. Београд, 1964. С.91, 92.
- ¹⁹ Дмитриев П.А. И.И. Срезневский и Вук Караджич... С.62, 63.
- ²⁰ Добрашиновић Г. Вук и Николај Иванович Надеждин... С.80, 81.
- ²¹ Добрашиновић Г. Вук и Николај Ивпанович Надеждин // Прилози проучавању српско-руских књижевних везе. Прва половина XIX века. Матица Српска, 1980. С.78-87.
- ²² Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). 1842. Июнь.
- ²³ Москвитянин. 1841. №6. С.518.
- ²⁴ Гусев В.Е. Фольклористическая деятельность Вука Караджича в оценке русской науки // Вуков зборник I. Анали филолошког факултета. Београдски универзитет. Београд. 1964. №4. С.108, 109.

²⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1274. Д.2424. Л.193 с об.

²⁶ Попов Н.А. Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара к Н.И. Надеждину // Русский архив. 1873. Кн.2. №7-12. С.1143.

²⁷ Там же. С.1152-1154.

²⁸ Там же. С.1178-1186.

²⁹ Там же. С.1199-1200.

³⁰ Там же. С.1214-1216.

³¹ Вукова преписка. Књ.2. Београд, 1909. С.628-641.

³² Доброшиновић Г. Вук и Николај Иванович Надеждин... С.79.

³³ Вукова преписка. Т.7. Београд, 1913. С.496.

³⁴ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф.1274. Д.2423а. Л.33.

³⁵ Добрашиновић Г. Вук и Руси... С.50.

RUSSIAN SCHOLARS AND VUK STEFANOVIĆ KARADŽIĆ

© 2017 I.V. Churkina

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article is devoted to the scholarly contacts between Vuk Karadžić and Russian scholars, primarily Peter von Köppen, Izmail I. Sreznevsky, Nikolai I. Nadezhdin, their influence on the works and activities of the Serbian scholar, and the role of Russian scholars in recognition of Karadžić's reform of Serbian language by the academic community.

Keywords: Vuk Karadžić, von Köppen, Sreznevsky, Nadezhdin, Pogodin, «Bibliographicheskie Listy», Russian Academy of Sciences.